

БЕЛОРУССКАЯ МЕДИЕВИСТИКА

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА: ПРОФЕССОР А. Н. ЯСИНСКИЙ (1864–1933)

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Ewtuhov@bsu.by

Автор рассматривает научную и педагогическую деятельность профессора А. Н. Ясинского в Белорусском государственном университете. Особо внимание уделено работе А. Н. Ясинского с историческими источниками. Раскрываются методы анализа, которые он при этом использовал.

Ключевые слова: история средних веков; медиевистика; белорусская советская медиевистика; профессор А. Н. Ясинский.

BELARUSIAN SOVIET MEDIEVAL STUDIES: PROFESSOR A. N. YASINSKY (1864–1933)

I. Evtukhov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Ewtuhov@bsu.by

The author examines the scientific and pedagogical activities of Professor A. N. Yasinsky at the Belarusian State University. Special attention is paid to the work of A. N. Yasinsky with historical sources. The methods of analysis that he used in this case are revealed.

Keywords: history of the Middle Ages; medieval studies; Belarusian Soviet medieval studies; professor A. N. Yasinsky.

В самом начале XX века на белорусских землях Российской империи не было ни одного высшего учебного заведения: Горыгорецкий земледельческий институт после восстания 1863 года был переведен в Санкт-Петербург.

Специальные учебные заведения были представлены учительскими институтами: Витебским (открыт в 1910 г.) и Минским (открыт в 1914 г.). Статус средних заведений учительские институты обрели в 1912 г.

Первый из них был в 1918 году преобразован в Витебский педагогический институт. Второй – в Минский институт народного образования (1920–1921 гг.). В 1921 г. в Минске был открыт Белорусский государственный университет, который в том же году присоединил к себе Минский институт народного образования, а в 1924 г. – Витебский педагогический институт. Именно с БГУ связано начало белорусской советской медиевистики.

Постановка проблемы. Историография, посвященная профессору А. Н. Ясинскому, включает в себя биографические справки в энциклопедиях (от Брокгауза-Эфрона до БСЭ) и справочниках, а также статьи А. Е. Москаленко «К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского» (1969 г.) [1] и О. И. Малюгина «Медиевистика в Белорусском государственном университете: история и современность» (2017 г.) [2], «Антон Никитич Ясинский. 22.09.1864–13.11.1933» (2019 г.) [3].

Научному творчеству Антона Никитича с точки зрения истории исторической науки, особенно его методическим подходам к изучению материала в посвященной ему историографии уделяется крайне мало места. В данной статье рассматриваются работы профессора А. Н. Ясинского по истории средних веков и раннего Нового времени, опубликованные в научных изданиях БССР. Особое внимание уделено методическим приемам при работе с историческим материалом.

Предметом исследования является белорусская советская медиевистика, **объектом исследования** – исследования профессора А. Н. Ясинского, опубликованные в научных изданиях БССР.

Методы исследования: *историко-биографический анализ* научного творчества профессора А. Н. Ясинского, *кластеризация* (формирование кластеров, каждый из которых включает одну научную публикацию), *методологический анализ* объекта, включенного в кластер.

Преподавание истории средних веков было предусмотрено Примерным учебным планом на 1921/1922 учебный год по факультету общественных наук на общественно-педагогическом отделении: «Средней истории, один курс по истории народного хозяйства на 3-м курсе в объеме 12 часов» [4, с. 191]. Перенесение средневековой истории сразу на 3-й курс, как можно предположить, было связано с тем обстоятельством, что не было лектора.

Стоявший у истоков БГУ профессор В. Н. Перцев отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях следующее: «Недостаток преподавателей был настолько большой, что приходилось ориентироваться на имеющиеся преподавательские силы, а не на учебный план, иначе говоря, не столько преподаватели приглашались для чтения определенных курсов, сколько их определение и характер зависели от наличия необходимых сил» [5, с. 20].

В 1922 году ФОН был реорганизован: из него выделился педагогический факультет. Учебный план перенес историю средних веков на 2-й курс. Для чтения курса был приглашен из Москвы профессор А. Н. Ясинский [6, с. 352, 354].

Уже в 1922/1923 учебном году история средних веков заняла свое законное место среди остальных предметов: «На социально-историческом отделении педагогического факультета (1–2 курсы) профессор Ясинский читал историю средних веков и историю средневекового хозяйства, вел семинарий по толкованию Салической правды» [7, с. 246].

Правда место это было во многом формальным, ибо средневековье, как и древность, в приоритете преподавания тогда не было. Профессор В. Н. Перцев вспоминал по этому поводу: «Программы составлялись так, что на все первобытное время давалось 4 часа, на Восток не более 18 часов, на античное общество не более 30 часов, а на все средневековье не более 40 часов. При этом и древность, и средневековье читались только на I курсе, и затем к ним уже не возвращались на всем протяжении курса. Еще хуже обстояло дело на неспециальных / для историков / факультетах, где изучалась по существу только история нового времени, а на всю историю до XIX в. отводилось от 8 до 12 часов – в кратком обзоре, имевшем исключительно схематический характер. История комкалась до чрезвычайности, и даже специалисты-историки изучали более или менее обстоятельно только XIX и XX в.» [5, с. 23–24].

Как можно предположить, в качестве лектора Антон Никитич был выбран не случайно. В начале XX в. он был одним из наиболее известных медиевистов Северо-Западной части России. Причем заявил он о себе как о перспективном ученом, историке и филологе-классике, очень рано. Уже в 1888 году, сразу после окончания историко-филологического факультета киевского Университета Святого

Владимира, он издал первый русский перевод Великой Хартии вольностей [8]. Получил степень магистра за диссертацию «Падение земского строя в чешском государстве». С 1896 г. работал профессором истории в Юрьевском университете. Степень доктора получил за диссертацию «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века». Обе диссертации были удостоены Императорской академией наук премий имени А. А. Котляревского и Ломоносова [9, с. 842]. В 1907 году был избран членом Чешской академии наук. В 1911 году переехал из Юрьева в Москву [10, с. 144].

Однако, связь с Юрьевским университетом утеряна не была. В 1918 г. Юрьевский университет был эвакуирован в Воронеж. Сюда Антон Никитич приезжал читать лекции.

О. И. Малюгин так описал начало его преподавательской деятельности в Минске: «В первые годы преподавания в БГУ А. Н. Ясинский, как и многие другие профессора, продолжал постоянно проживать в Москве, приезжая в Минск лишь на короткое время – читать лекции и принимать зачеты. Но уже осенью 1925 г. Правление предлагает профессору переехать в Минск на постоянное место жительства, причем в решении Правления записано, что если он не сможет это сделать, то чтение его курса будет перенесено на второе полугодие. Антон Никитич предложение Правления принял, хоть и не сразу: дело было в катастрофической нехватке жилья для приезжающих профессоров. В итоге ситуация разрешилась благополучно лишь в середине 1927 г., когда он обратился в Правление с заявлением о подыскании квартиры в Минске и оплате подъемных на переезд из Москвы в Минск. Правление пообещало квартиру в одном из домов БГУ и оплату подъемных после переезда» [2, с. 190–191].

Сотрудничество А. Н. Ясинского с БГУ оказалось недолгим. После сокращения учебных курсов «История экономического быта Средних веков» и «История западных славян» последовало сокращение преподавательского состава педагогического факультета. «Решением Правления от 15 августа 1928 г. он был уволен с выплатой жалованья по 1 сентября» [2, с. 192]. Правда, в этом же году А. Н. Ясинского избрали академиком Белорусской академии наук.

Последние годы жизни Антон Никитич провел в Москве в тяжёлой обстановке. В 1929 г. умерла жена. Младшая дочь (род. в 1893 г.), жившая с отцом, была нездорова. Ухудшилось здоровье его самого. Совсем плохо стало осенью 1933 г. 13 ноября 1933 г. А. Н. Ясинский скончался. При этом минские коллеги его не забыли. Деньги на похороны прислала белорусская Академия наук [1, с. 267].

После увольнения из БГУ профессора А. Н. Ясинского чтение курса средневековой истории перешло к профессору Владимиру Николаевичу Перцеву, читавшему историю Нового времени. В 1930 году эти курсы были объединены в один курс «Истории Запада».

Первый прочитанный в стенах БГУ курс средневековой истории представляет большой интерес, поскольку позволяет разобраться с предложенным студентам концептуальным подходом к истории средних веков. Авторского текста лекций не сохранилось. Но десятью годами ранее в Юрьеве был издан курс А. Н. Ясинского по истории раннего средневековья (до Карла Великого включительно) [11]. С большой долей вероятности можно предположить, что минский курс лекций был близок к юрьевскому, и совершенно уверенно можно утверждать, что концептуальный взгляд автора на историю средних веков за это десятилетие если и изменился, то несущественно.

Во введении в курс привлекает внимание включение в генезис нового общества не только римлян, христианской церкви и германцев, но также Византии

и через нее славян, чем подчеркивается единство средневековой Европы: «...охранение римской культуры становилось постепенно не по силам римской государственности, и эта задача естественно легла на христианскую церковь, которая в течение многих последующих веков сделалась единственной хранительницей римских традиций и культуры. При создании условий новой европейской гражданственности, кроме указанных двух элементов (римской культуры и христианства), положены были в основание начала той варварской культуры, представителями которой явились новые народы (кельты, германцы и славяне), выступившие в начале средних веков. Кельты, к счастью или несчастью, столкнулись с римской культурой в ту пору, когда она была еще достаточно сильна и устойчива, вследствие чего они потеряли свою национальную индивидуальность. В другом положении оказались германские народы, подпавшие под влияние римской культуры в ту пору, когда она явно клонилась к упадку, и славянские народы, развивавшиеся под влиянием византийской культуры» [11, с. 1].

Относительно природы феодализма профессор А. Н. Ясинский поддерживал позицию Франсуа Гизо: «Гизо довольно удачно определял феодализм, усматривая его сущность в трех направлениях: в предоставлении землевладельцам прав верховной власти, в возникновении наряду с полной земельной собственностью условной собственности и в установлении вассальной иерархии между государями-землевладельцами. Выражаясь кратко, можно сказать, что феодализм есть обобщение или соединение бенефициальных, вассальных и иммунитетных институтов» [11, с. 364].

Суждения, высказанные в университетской аудитории как нельзя лучше охарактеризовали позитивистский подход к истории: «Наукой вообще называется всякое познание, изложенное в систематической форме и добываемое известным методическим путем. С этой точки зрения история – наука» [11, с. 51]. Познание (информация) добывается из источников. Причем, как подчеркивал Антон Никитич, «над всяким источником должна быть произведена историком критическая работа для выделения ценного материала. Эта работа приближает нас к достижению большей достоверности или объективности» [11, с. 51].

Научная позиция лектора могла вызывать непонимание со стороны марксистски настроенной аудитории: «Законов исторического развития не отыскано, потому что при сложности психических и физических мотивов, которыми управляется человек, и нельзя открыть. Наконец, в задачу истории и не входит отыскание законов развития человеческого общества. Эта задача является предметом социологии» [11, с. 50].

Между тем следует отметить, что данный тезис во многом напоминает подходы известного советского медиевиста 2-й половины XX века Арона Яковлевича Гуревича, который писал: «Общий закон выражает объективные связи общественно-экономического плана. Историческая закономерность ... вырастает из взаимодействия многих закономерностей, управляющих различными системами: она складывается на основе действия не одних лишь социологических законов, но также и закономерностей чисто хозяйственных, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которыми вступают люди... Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социологический закон» [12, с. 63].

Значительным шагом вперед в развитии белорусской научной медиевистики стало издание в 1926 г. сборника в честь 400-летия печатной Библии Франциска Скорины. Открывают его статьи «Гуманизм в Италии» (В. Перцев), «Падуанский

Университет в XV–XVI веках» (Дм. Егоров), «Из культурной истории Чехии начала XVI века» (А. Ясинский) [13]. В. Н. Перцев и А. Н. Ясинский обозначены как профессора БГУ. Таким образом их публикации являются частью белорусской медиевистики (белорусский сборник статей, авторы – действующие профессора БГУ). Дм. Егоров (Зьмітра Егораў) обозначен просто как профессор, без уточнения учебного заведения. Кроме того, не указано его отчество, что несколько затрудняет идентификацию. Наиболее предпочтительным представляется предположение о том, что автором статьи был московский профессор-медиевист Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931). Но в этом случае данная статья, несмотря на то, что вышла в белорусском сборнике на белорусском языке, в контексте белорусской медиевистики не может рассматриваться.

Статья Антона Никитича состоит из двух частей: 1) исторический очерк, посвященный гуситской Чехии, 2) заочная полемика с профессором Петром Владимировичем Владимировым (1854–1902), получившим в 1888 году степень доктора русской словесности за монографию «Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык» [14]. Ряд положений исследования вызвал возражения А. Н. Ясинского. Исторический же очерк гуситской Чехии позволяет прояснить отношение автора к историческому процессу вообще.

Начинается очерк с очень показательного тезиса: «Калі ў 1434 годзе на ліпанскіх палёх панская коньніца патаптала таборскія палкі, разьвіцьцё дзяржаўных і сацыяльных адносін у Чэхіі зноў і паступова пашло па тым шляху, які быў вызначаны папярэднім ходам гісторыі, – па шляху ўтварэння манархіі станаў з навочнай перавагай магнацтва і ўціскам народных гушчаў» [13, с. 43].

Указанный путь был пройден к концу столетия. «З гэтага часу пасады Праскага бургграфа, гофмайстра, маршала, каморніка, земскага судзьдзі і канцлера павінны былі замяшчацца асобамі панскага стану, а ўладыкам былі аддадзены пасады земскага пісара, падкаморніка і бургграфа Градэцкага краю. У 1500 годзе быў устаноўлены прынцып незьмяняльнасці вышэйшых урадовых ачоб. Толькі кіраўніцтва фінансамі засталася ў руках караля, ды і ў гэтых адносінах каралеўская ўлада была абмежавана. Такім чынам, уся ўлада ў краіне належыла не каралю, а шляхце» [13, с. 44].

Таким образом видно, что процесс развития страны идет не хаотично и не по чьей-нибудь воле (бога или правителя), а реализует закономерности, им же порожденные. Причем эти закономерности не являются всеобщими. В Чехии они привели к формированию «няпэўнай манархіі станаў» [13, с. 43] (терминология А. Н. Ясинского).

Еще одним фактором, влияющим на ход истории, (как и в курсе лекций) Антон Никитич признает общественные настроения: «Гусіцкі рух ня прынёс Чэхіі чаканых вынікаў... дзякуючы вузка-эгаістычнай палітыцы чэскіх паноў» [13, с. 45].

В том же 1926 г. в Трудах БГУ была опубликована статья А. Н. Ясинского «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии» [15]. Статья безусловно относится к научной белорусской медиевистике (опубликована действующим профессором белорусского ВУЗа в белорусском научном журнале). Однако, возникает вопрос о месте данной статьи в научной белорусской медиевистике. Профессор А. Н. Ясинский завершает ее следующими словами: «Имея характер дополнительной работы или являясь своего рода приложением к той большой работе по истории хозяйственного и аграрного быта, которая подготавливается к печати, – этот этюд направлен был к выяснению развития аграрного строя на пути от старинных форм землеустройства к лановому. Если полученные итоги исследования являются менее значительными, чем то

напряжение, которое потребовалось при их добывании, то все же, как думается, проложен путь для новых изысканий» [15, с. 63].

Таким образом, речь идет о большой научной работе, подготовка публикации которой близится к завершению. Работе, потенциально способной создать фундамент для дальнейших исследований в этом проблемном поле в рамках белорусского научного сообщества. Но этот потенциал реализован не был.

Логические построения профессора А. Н. Ясинского. Суждения Антона Никитича, высказанные в университетской аудитории Юрьева в 1910 г., как нельзя лучше охарактеризовали позитивистский подход к истории: «Наукой вообще называется всякое познание, изложенное в систематической форме и добываемое известным методическим путем. С этой точки зрения история – наука» [11, с. 51]. Познание (информация) добывается из источников. Причем, как подчеркивал Антон Никитич, «над всяким источником должна быть произведена историком критическая работа для выделения ценного материала. Эта работа приближает нас к достижению большей достоверности или объективности» [11, с. 51].

В 1926 г. профессор А. Н. Ясинский, уже во время работы в БГУ, опубликовал, как указывалось, две статьи: «Из культурной истории Чехии начала XVI века» и «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии». Обе статьи имеют значение для современного исследователя, в силу заключенного в ней большого методического потенциала. Речь идет о применении логических построений для решения конкретной исторической проблемы.

Проблема № 1. Вероисповедание Франциска Скорины. Решается в статье «Из культурной истории Чехии начала XVI века». Постановка проблемы: Скорина в предисловиях и послесловиях к библейским книгам не обозначает свое вероисповедание. Почему? Логическая цепочка: а) знание библейских книг было характерно для еретиков, Скорина делает свой перевод для своего народа, б) Скорина работает не в Кракове, в котором учился и который ближе к его родному городу, а в Праге, в) Швайпольт Фиоль печатал в Кракове в 90-х гг. XV в. богослужебные книги на церковнославянском языке, но подвергся преследованиям и бежал в Венгрию, г) Прага была безопасным городом для еретиков (гуситов). Общий вывод: «Скарына быў і не католікам і не праваслаўным, а гарэтыкам, нахільным да гусізму, ... ці нават да лютаранства» [13, с. 41–42].

Проблема № 2. Природа некоторых повинностей, существовавших в Градищенском монастыре. Решается в статье «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии».

Имеются в виду сборы, которые нигде больше не встречаются и объяснение которых отсутствует в словарях: *plaské*, *opravné*, *romosné*, *plěsné*. Последний термин сразу оставляется в стороне, ибо он встречается при описании только одного села. Информация, которой располагает исследователь, весьма ограничена: 1) «оправное» (четыре четверти овса и курица) было больше, чем «плаское» (четверть овса и курица), 2) оба сбора отмечены в семи деревнях и отсутствуют в оставшихся десяти деревнях [15, с. 47–48].

Этим позитивная (проверенная) информация исчерпывается. Для выяснения природы и характера указанных повинностей, «оправное» и «плаское», нужно искать новые подходы.

Рассмотрев более подробно остальные сборы, А. Н. Ясинский сделал следующие наблюдения: 1) размер сбора за выпас коров и лошадей в лесу совпадает с «оправным», 2) размер сбора за выпас коров и лошадей на пастбищах совпадает с «пласким», 3) «оправное» взималось в северных селах, где было много

лесов, 4) «плаское» было особенно распространенным сбором [15, с. 49].

Следующий шаг. В деревнях, где было развито овцеводство, были «оправное» и «плаское», но не было никаких платежей за пользование пастбищами для выпаса овец.

Завершение рассуждения. «Оправное» и «плаское» представляли собой сборы за выпас овец в лесу и на пастбищах соответственно.

Верификация. «При таком истолковании становится вполне понятным, почему “плаское” взималось почти во всех селах, за исключением немногих, ибо пастбища везде были, и почему “оправное” взималось в северных селах района, примыкавших к огромным порубежным лесам» [15, с. 49].

Общий вывод. «Взимание платежей за пастьбу скота и овец доказывает, что крестьяне Градищенского района были лишены землевладельцем права пользования пустошами, а в селах, в которых сохранились следы дворового устройства, они, по-видимому, сохранили это право, ибо этих сборов не было» [15, с. 49].

Таким образом, логические построения профессора А. Н. Ясинского: 1) имеют прочную опору на источник, 2) дают новую информацию, 3) последняя без этих построений из источника не могла быть получена.

Библиографические ссылки

1. Москаленко А. Е. К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского // Вопросы историографии и истории СССР. 1969. Т. 85. С. 252–267.
2. Малюгин О. И. Медиевистика в Белорусском государственном университете: история и современность // Vox medii aevi. 2017. Vol. 1 (1). С. 190–205.
3. Малюгин О. И. Антон Никитич Ясинский. 22.09.1864–13.11.1933 // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961). Минск : БГУ, 2019. С. 226–235.
4. Турук Ф. Ф. Университетская летопись // Працы БДУ. 1922. Вып. 1. С. 175–207.
5. Малюгин О. И. Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В. Н. Перцева // Весн. БДУ. Сер. 3. 2016. № 2. С. 17–25.
6. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет. За 1921–1922 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. Вып. 2–3. С. 326–364.
7. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет. За 1922–1923 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1923. Вып. 4–5. С. 230–281.
8. История Великой хартии в XIII столетии / [Соч.] А.Н. Ясинского. Киев : Унив. тип., 1888.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XLIIa. СПб, 1904.
10. История Тартусского университета: 1632–1982. Таллин : Периодика, 1982.
11. Ясинский А. Н. Лекции по истории средних веков. Раннее средневековье. Юрьев, 1910.
12. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. С. 51–79.
13. Ясі́нскі А. З культурнае гісторыі Чэхіі пачатку XVI-га стагоддзя // Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525–1925. Мінск, 1926. С. 39–58.
14. Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1888.
15. Ясинский А. Н. Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии // Працы БДУ. 1926. Вып. 12. С. 34–63.